

УДК 902/904 (517.3)

Вклад Советско-монгольской историко-культурной экспедиции в изучение бронзового и железного веков Монголии

Эльвира Октябрьсовна Хакимова,

аспирант кафедры Всеобщей истории, Бурятский государственный университет, Улан-Удэ.

E-mail: elya_kostya@mail.ru

В статье рассматривается история изучения памятников бронзового и раннего железного веков Монголии в период деятельности Советско-монгольской историко-культурной экспедиции (с конца 1960-х до конца 1980-х гг.). Проанализирован вклад археологов и антропологов СССР в формирование источникового фонда, обозначена их роль в интерпретации полученных материалов.

Ключевые слова: историография, археологические памятники, бронзовый и ранний железный века, Монголия, Советско-монгольская историко-культурная экспедиция.

The contribution of the Soviet-Mongolian historical and cultural expedition to the study of the Bronze and Iron Ages of Mongolia.

Elvira Hakimova, postgraduate, Buryat State University, Ulan-Ude.

The article examines the history of the study of the monuments of bronze and early iron age of Mongolia in the period of Soviet-Mongolian historical and cultural expedition (late 1960s — late 1980s). The contribution of archaeologists and anthropologists of the USSR in the formation of the source fund is analyzed, and their role in the interpretation of the material is indicated.

Key words: historiography, archaeological monuments, Bronze and early Iron Age, Mongolia, the Soviet-Mongolian historical and cultural expedition.

За более чем столетний период российскими и советскими исследователями были выявлены различные типы памятников эпохи бронзы и раннего железа Монголии: погребальные сооружения, оленные камни, наскальные изображения, поселения. История их изучения до революции и в первой половине XX в. подробно рассматривалась в работах наших предшественников — В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, Д.Г. Са-

винова, А.Д. Цыбиктарова и др. Они справедливо отмечали, что исследование памятников указанных эпох в конце XIX — начале XX в. носило отрывочный характер и сводилось в основном к описанию, накоплению материалов и попыткам их осмысления [3; 2; 6; 21; 20; 25; 28]. После победы в 1921 г. Народной революции в Монголии были установлены связи, в т.ч. научные, между СССР и МНР, образован Комитет наук, с которым успешно взаимодействовала Монгольская комиссия, организованная в 1925 г. при СНК СССР [29, с. 72—73]. Большую роль в международном научном сотрудничестве сыграло создание в 1961 г. Монгольской Академии наук. Одним из направлений её деятельности стало изучение древней истории страны, в т.ч. бронзового и раннего железного веков, с участием советских учёных.

С конца 1960-х гг. наступил один из самых интенсивных по масштабам полевых исследований и результатам осмысления полученных материалов периодов в изучении эпох бронзы и раннего железа на территории Монголии. Это было связано с организацией в 1969 г. комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ) силами Академий наук СССР и МНР во главе с академиком А.П. Окладниковым. После его смерти в 1981 г. экспедицию возглавил сначала В.В. Волков, а затем — А.П. Деревянко. СМИКЭ проводила исследования археологических памятников региона более 20 лет до начала 1990-х гг. и состояла из шести отрядов: трёх археологических (изучали памятники палеолита, бронзового века, средневекового времени Монголии), антропологического, этнографического и эпиграфического. В них входили десятки советских и монгольских учёных, в т.ч. несколько академиков — А.П. Окладников, А.П. Деревянко, В.П. Алексеев. Экспедиционные маршруты охватили практически всю территорию Монголии. В результате был получен огромный объём фактологических материалов по всем аспектам изучения древней истории страны.

Значительные успехи были сделаны и в исследовании памятников бронзового и раннего железного веков. В составе отряда СМИКЭ по их изучению в разные годы с советской стороны работали В.В. Волков (начальник отряда), Э.А. Новгородова, И.В. Асеев, В.Е. Войтов, А.В. Варенов, Р.С. Васильевский, П.Б. Коновалов и др., с монгольской — Д. Наван, Н. Сэр-Оджав, Д. Цэвээндорж, Д. Эрдэнэбаатар, Г. Санжмятав и др. Вместе с тем памятники находились в сфере внимания участников и других отрядов экспедиции, в частности Ю.С. Худякова. Исследование указанных выше периодов было поставлено на качественно новый уровень, приняло планомерный и систематический характер. Следствием этого стало открытие гораздо большего, по сравнению с предшествующим периодом, количества новых памятников, которые изучались более тщательно с применением новейших методов полевых работ [14, с. 95].

В 1970-х гг. сотрудники СМИКЭ впервые обнаружили и исследовали неизвестные ранее на территории Монголии памятники эпохи энеолита. В 1972 г. на востоке страны в местности Норовлийн-уула, в 72 км

от г. Чойболсана, геологи случайно открыли погребение энеолитического времени, которое обследовали В.В. Волков и Н. Сэр-Оджав. В могильной яме овальной формы головой на северо-запад лежал густо посыпанный охрой скелет человека. При расчистке погребения было найдено более 3000 пастовых бусин, костяные и каменные украшения, кинжал с кремневыми вкладышами [8, с. 76—77; 20, с. 78—80]. Чуть позже и на западе страны участники СМИКЭ выявили энеолитические памятники, представленные не известными до этого времени на территории Монголии курганами афанасьевского типа в Баянхонгорском и Ара-Хангайском аймаках. В пяти раскопанных курганах могильников Алтан-санда и Шатар-чулуу археологи обнаружили густо посыпанные охрой костяки, лежащие на спине с согнутыми ногами (в трёх курганах — головой на запад, в двух — на восток). Сопроводительный инвентарь в могилах отсутствовал, за исключением одного кургана, в котором нашли фрагменты керамики с резным орнаментом [4, с. 13—15].

Исследование черепов из энеолитических погребений Норовлийн-уулы, Шатар-чулуу и Алтан-санда в конце 1970-х гг. проводила Н.Н. Мамонова. Она пришла к выводу, что население Западной и Восточной Монголии в этот период различалось по антропологическому типу. На западе проживали европеоидные племена, оставившие курганы афанасьевского типа, на востоке — монголоиды, о чем свидетельствовало погребение в Норовлийн-ууле [18, с. 208].

В качестве памятников энеолитического времени исследователи рассматривали и часть наскальных рисунков на берегу р. Чулуут в Центральной Монголии. Среди основных сюжетов писаниц учёные выделяли изображения животных, антропоморфных фигур, масок и т.д. Материалы Чулуута получили развёрнутую публикацию в работах А.П. Окладникова и Э.А. Новгородовой [20, с. 89—104; 24, с. 34—42]. Последняя к более раннему этапу энеолита отнесла изображения рожениц, связанные с культом плодородия, а к более позднему — фигуры оленей, кабанов, маски, солярные, лунные знаки и др. По её мнению, они свидетельствовали о развитой духовной культуре у энеолитических племён, существовании культов предков, плодородия, веры в душу и т.д. [21, с. 40—58; 20, с. 98—103].

Таким образом, работы СМИКЭ позволили впервые выделить на территории Монголии энеолитические памятники, представленные погребениями и петроглифами, дать краткую характеристику этой эпохи древней истории страны. По мнению В.В. Волкова и Э.А. Новгородовой, в период энеолита на территории Монголии существовали две этнокультурные области — восточная и западная. Они имели свои особенности в характере памятников и различались по антропологическому типу населения: с одной стороны были представлены монголоидным (захоронение в Норовлийн-ууле), с другой — европеоидным (афанасьевские курганы) [3, с. 7; 5, с. 78—86].

Памятники следующих за энеолитом периодов бронзового и раннего железного веков выявлены СМИКЭ практически на всей территории

страны. К ним относились плиточные могилы, херексуры, курганы монгун-тайгинского типа, погребения в деревянных срубках и каменных ящиках, оленные камни и наскальные рисунки.

При изучении захоронений исследователи выделили некоторые новые особенности сооружений, которые по устоявшейся к тому времени терминологии называли плиточными могилами. Так, в ряде аймаков (Увэр-Хангайском, Баянхонгорском, Ара-Хангайском) В.В. Волков и Э.А. Новгородова выявили могилы без захоронений, при строительстве которых использовались оленные камни. В Ара-Хангайском и Увэр-Хангайском аймаках стелы с изображениями оленей служили перекрытиями могильных ям, а также устанавливались в качестве угловых камней [12, с. 595]. Погребений и вещественных находок в могилах не оказалось [20, с. 201—202]. В результате В.В. Волков и Э.А. Новгородова зафиксировали факты использования оленных камней в качестве материала для сооружения плиточных могил и высказали предположение, что такие могилы являлись жертвенниками [20, с. 202].

В вопросе датировки плиточных погребений среди исследователей 1970—1980-х гг. не было единого мнения. Так, например, В.В. Волков и А.П. Деревянко обозначили хронологические рамки существования этих памятников в пределах I тыс. до н.э. [5, с. 131; 13, с. 81]. В то же время Э.А. Новгородова высказалась за более широкий временной отрезок: от начала бронзового века до раннего средневековья [20, с. 254].

Большое внимание участники СМИКЭ уделяли изучению херексуров. В разных районах Монголии было выявлено несколько десятков памятников этой культуры, а на ряде из них производились раскопки. Большинство исследуемых херексуров не содержали погребального инвентаря и были связаны с оленными камнями [20, с. 201—202; 10, с. 486]. На эти особенности обратил внимание Ю.С. Худяков в конце 1980-х гг., отмечая, что оба типа памятников распространены на одной территории от Алтая и Тувы до Забайкалья [26, с. 40—41; 27, с. 155]. Исследователь также высказал мнение о синхронности существования херексуров и оленных камней, об их связи между собой и датировал позднебронзовым — доскифским — временем без приведения абсолютных дат [27, с. 157—158]. В результате Ю.С. Худяков предложил эти памятники, а также петроглифы, подобные изображениям на каменных стелах, объединить в рамках одной культуры херексуров и оленных камней [26, с. 43; 27, с. 156]. Точка зрения, высказанная Ю.С. Худяковым, имела большое значение для дальнейших исследований.

При характеристике херексуров в монографии «Древняя Монголия» Э.А. Новгородова отметила особенности их конструкции, специфику погребального обряда, указала территориальные границы распространения и определила датировку в пределах развитой бронзы, синхронной карасукской эпохе Южной Сибири, и до прихода сюнну, т.е. до II в. до н.э. [20, с. 255].

В середине 1970-х гг. В.П. Алексеев опубликовал результаты исследования черепов из трёх херексуров, раскопанных В.В. Волковым в Кобдосском и Убсунурском аймаках в Западной Монголии в 1961 и 1963 гг. Все три черепа определены как европеоидные [1, с. 382—383]. Но, по мнению учёного, они имели монголоидную примесь [1, с. 382].

Отряд В.В. Волкова проводил исследования также курганов монгунтайгинского типа. Эти погребения, известные в Туве и Горном Алтае, археологи впервые выявили на территории Монголии в 1960-х гг. К сожалению, раскопано их было немного. Одно находилось в долине Ургун-ширэг в Убсунурском аймаке. Под насыпью кургана располагались две каменные «цисты» с плохо сохранившимися останками человеческих скелетов, ориентированных головами на север. В одной из цист археологи обнаружили каменную бусину и два кусочка берёсты [10, с. 485].

В 1972 г. на северо-восточном склоне горы Чандмань в окрестностях г. Улангом Убсунурского аймака на северо-западе Монголии отряд СМИКЭ во главе с В.В. Волковым и Э.А. Новгородовой обследовал могильник скифского времени, выявленный при разработке песчаного карьера. В результате работ, продолженных в последующие годы, были раскопаны могилы с захоронениями в деревянных срубах и каменных ящиках [9, с. 101]. Погребения в каменных ящиках, как показали раскопки, представляли собой одиночные или парные захоронения, а в срубах — коллективные.

Оба типа В.В. Волков отнёс к одной культуре, аргументируя это тем, что погребальный обряд (кости лежали в позе эмбриона, голова была направлена на север или северо-запад) и сопроводительный инвентарь были одинаковы [9, с. 101—106]. При этом В.В. Волков отмечал, что погребения в деревянных срубах и каменных ящиках в Монголии были встречены впервые, но имели аналогии в Туве, на основании чего он отнёс их к тувинской культуре скифского времени — V—III вв. до н.э. [9, с. 106—107].

Н.Н. Мамонова, принимавшая участие в изучении Улангомского могильника в качестве палеоантрополога, в 1976—1997 гг. опубликовала серию статей, посвящённых результатам комплексного исследования останков 146 погребённых, из них 116 были связаны с захоронениями в срубах и 30 — в каменных ящиках [9, с. 286; 23, с. 127]. Исследователь охарактеризовала и определила антропологический тип населения, оставившего погребения в срубах и каменных ящиках, как европеоидный с монголоидной примесью [18, с. 206; 24, с. 67; 25, с. 84]. Она также отмечала сходство улангомских черепов и черепов из херексуров, ранее исследованных В.П. Алексеевым [1, с. 370—390]. Это позволило ей согласиться с выводами В.П. Алексеева и В.В. Волкова о том, что в эпоху бронзы и раннего железа в западной части Монголии расселялись племена, принадлежавшие к европеоидной расе, а в восточной — монголоидной. Монголоидные черты в европеоидном типе погребённых в Улангомском могильнике, по мнению Н.Н. Мамоновой, свидетельствовали

о начале смешения этих двух антропологических типов [18, с. 207]. Специальный анализ формы и размеров травм на отдельных костях со следами насильственной смерти, а также других особенностей позволили ей определить виды оружия, которыми они были нанесены: чеканы, кинжалы, наконечники стрел, топоры [16, с. 117—119].

Таким образом, работа СММКЭ выявила на территории Монголии (наряду с уже известными погребальными сооружениями эпохи бронзы и раннего железа, плиточными могилами и херексурами) новые памятники — курганы монгун-тайгинского типа, захоронения в срубах и каменных ящиках. Эти открытия значительно расширили источниковый фонд по изучаемым эпохам, а также позволили учёным поставить и попытаться решить новые задачи по реконструкции культурно-исторической ситуации на территории страны в указанные периоды.

Самыми многочисленными памятниками эпохи бронзы и раннего железа Монголии, выявленными за время исследований СММКЭ, являются оленные камни. За 20 лет работы сотрудники экспедиции обнаружили на территории страны более 450 стел с изображениями оленей, большую часть которых открыл и изучил В.В. Волков. Основной территорией распространения памятников, согласно составленной им карте, являлись центральные и северо-западные районы Монголии [3, с. 123]. Наиболее крупное скопление этих камней обнаружили в 1970 г. В.В. Волков и Э.А. Новгородова в местности Ушкийн-Увэр в Хубсугульском аймаке, где исследователи выявили и тщательно обследовали около 15 стел [11, с. 78—84].

В 1981 г. вышла монография В.В. Волкова «Оленные камни Монголии». Она подвела итоги изучения этих памятников со времени их открытия во второй половине XIX в. Источниковую базу составили более 450 стел. Большая их часть была опубликована с описанием и приведением иллюстраций [6, с. 13—79, 123—264]. Исследователь дал общую характеристику оленных камней и очертил территорию их распространения от верховьев Амура на востоке до Эльбы на западе [6, с. 5—12]. Кроме того, В.В. Волков определил круг основных проблем, связанных с изучением памятников (датировка, назначение, семантика, культурная принадлежность) и предложил свои варианты их решения. Рассматривая вопрос о назначении стел, исследователь отметил факты их вторичного использования при сооружении плиточных могил и других памятников скифского времени, а также для изготовления каменных баб тюркского времени. Учёный высказал мнение, что оленные камни — важнейший элемент культовых сооружений и только во вторичном использовании они связаны с погребальным обрядом [6, с. 82—83]. В целом же В.В. Волков согласился с мнением Н.Л. Членовой о том, что эти памятники «представляли собой первые образцы антропоморфной скульптуры» [6, с. 85].

При классификации исследователь по стилистическим особенностям разделил оленные камни на три типа: 1) евразийский — без фигурок

животных (около 30 стел); 2) саяно-алтайский — с реалистическими изображениями животных (10 стел); 3) монголо-забайкальский — с орнаментально стилизованными фигурками оленей (380 памятников) [6, с. 99—102]. Датировку камней В.В. Волков разработал на основе анализа изображённых на них предметов карасукского типа, оружия, украшений, зооморфных фигур, солярных знаков и определил в границах начала — середины I тыс. до н.э. [6, с. 102—119]. В целом основные положения работы В.В. Волкова не потеряли своего научного значения и сегодня. В начале 2000-х гг. его монография была переиздана [7].

С конца 1960-х до начала 1990-х гг. археологи выявили несколько десятков памятников наскального искусства эпохи бронзы и раннего железа в разных районах Монголии. Наиболее крупные из них зафиксированы на горе Тэвш-уул (Увэр-Хангайский аймак), по берегам р. Чулуут (Центральный аймак), в Бани-зурх-сомоне (Хубсугульский аймак), на берегу р. Бодончин-Гол (Монгольский Алтай) и др. Результаты изучения петроглифов, обнаруженных на территории Монголии за годы работы СМИКЭ, легли в основу ряда монографий А.П. Окладникова [24; 23; 22] и Э.А. Новгородовой [21; 20].

В работе «Петроглифы Центральной Азии» (1980 г.) А.П. Окладников представил результаты анализа наскальных рисунков у горы Тэбш Хобд-сомона в Увэр-Хангайском аймаке, открытых ещё в 1949 г. Сюжеты с изображениями антропоморфных фигур, предметов вооружения (луков, клевцов, топоров), колесниц, животных, подобных оленям на оленьих камнях, а также и сами каменные стелы исследователь датировал второй половиной II — первой половиной I тыс. до н.э. [23, с. 91]. В монографии «Петроглифы Монголии» (1981) учёный опубликовал материалы о 46 местонахождениях, расположенных в 11 аймаках и изучавшихся им с конца 1940-х гг. Он обозначил три группы писаниц по технике исполнения: 1) рисунки, выполненные красной краской; 2) выбитые рисунки; 3) резные, линейные рисунки [30, с. 68]. Среди основных сюжетов петроглифов первой группы А.П. Окладников выделил «оградки» и пятна, изображения птиц, хищников, лошадей, антропоморфные фигуры [22, с. 68—71]. В числе выбитых рисунков — образы оленей в стиле оленьих камней, козлов, лошадей, хищников и антропоморфных фигур (т.н. «хвостатые воины») [22, с. 71—78]. Петроглифы первой и второй групп учёный датировал началом I тыс. до н.э. [22, с. 81]. Изображения третьей он связывал с буддийской мифологией и относил к более позднему времени [22, с. 77]. Осуществлённая А.П. Окладниковым работа по анализу материалов петроглифов Монголии превратила их в полноценные источники по древней истории страны.

Э.А. Новгородова в работе «Мир петроглифов Монголии» (1984) при анализе писаниц бронзового и раннего железного веков отмечала, что «характерной чертой этой эпохи является значительное различие рисунков западной и восточной части страны» [21, с. 90] по технике ис-

полнения. Так, изображения, нанесённые охрой, были распространены в Восточной и Центральной Монголии, Забайкалье и принадлежали к памятникам культуры плиточных могил [21, с. 94]. Писаницы западных и юго-западных районов страны, выполненные выбивкой в т.н. «зверином стиле», Э.А. Новгородова связывала с херексурами и оленными камнями [21, с. 94—95].

Таким образом, в период деятельности СМИКЭ с конца 1960-х до начала 1990-х гг. полевые исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа охватили практически всю территорию Монголии. За эти годы получен значительный объём материалов по указанным периодам. В результате советские учёные (сотрудники экспедиции) внесли большой вклад в создание источниковой базы по бронзовому и раннему железному векам Монголии. Большое значение имели их работы по систематизации, анализу и интерпретации полученных фактологических материалов по эпохам бронзы и раннего железа. Важный вклад в изучение бронзового и раннего железного веков страны внесли учёные-антропологи: результаты их исследований дополнили и расширили источниковедческие возможности археологических материалов, полученных в ходе изучения памятников соответствующих эпох.

Следует также отметить, что с самого начала работы СМИКЭ наблюдался постепенный рост интенсивности полевых исследований и освещения их результатов в публикациях участников экспедиции. Однако к концу 1980-х гг. объёмы работ значительно снизились. Основной причиной послужили сложные внутривосточные процессы, начавшиеся к середине 1980-х гг. в МНР и СССР. Многолетнее успешное сотрудничество двух стран в связи с переходом к рынку серьёзно осложнилось. В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. наступил переломный момент в дальнейшем развитии советско-российско-монгольских отношений, обусловленный распадом Советского Союза, кризисом мировой системы социализма и охлаждением между МНР и СССР. В этих условиях СМИКЭ была вынуждена прекратить свою деятельность. Но тем не менее за более чем 20 лет работы в Монголии сотрудниками экспедиции выявлено большое количество памятников эпохи бронзы и раннего железа: погребений, оленных камней, петроглифов. В целом деятельность отряда СМИКЭ внесла существенный вклад в формирование источниковой базы по бронзовому и раннему железному векам и осмысление результатов полевых исследований, подняв изучение этих эпох на территории Монголии на более высокий уровень.

Со времени прекращения деятельности СМИКЭ подобных совместных экспедиций двух стран, изучающих историю и культуру региона в таких масштабах, больше не организовывалось. Однако в настоящее время в Монголии работают российские археологи, продолжая традиции многолетнего научного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев, В.П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1974. С. 370—390.
2. Волков, В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.
3. Волков, В.В. Из истории изучения памятников бронзового века МНР // К вопросу древнейшей истории Монголии // *Studia archeologica*. t. 3, fasc. 8—10. Улан-Батор, 1964. С. 25—93.
4. Волков, В.В. Курганы афанасьевского типа в Монголии // *Studia archeologica*. t. IX, fasc. 2. Улан-Батор, 1980. С. 13—16.
5. Волков, В.В. Монголия в скифское время // Олон улсын Монголч эрдэмтний III их хурал (III междунар. конгресс монголоведов). Улан-Батор, 1976. Т. 3. С. 130—133.
6. Волков, В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
7. Волков, В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
8. Волков, В.В. Погребение в Норовлин уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1975. С. 76—79.
9. Волков, В.В. Улангомский могильник // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. С. 101—107.
10. Волков, В.В. Экспедиция в Монголии // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 485—486.
11. Волков, В.В., Новгородова, Э.А. Оленные камни Ушкийн-Увзра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1975. С. 78—84.
12. Волков, В.В., Новгородова, Э.А., Войтов, В.Е. Работы на Чулууте и Хара-Хорине // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 595—597.
13. Деревянко, А.П. Монголия // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времён до наших дней. М.: Наука, 1986. С. 75—81.
14. Жуковская, Н.Л. Российские научно-исследовательские экспедиции в Монголию (XIX—XX вв.) // А.Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии / *сост. Юки Конагая и др.* Осака, 2007. Т. 1. С. 91—97.
15. Мамонова, Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сборник МАЭ. Т. 36. Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1980. С. 60—74.
16. Мамонова, Н.Н. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V—III вв. до н.э.) // РА. 1997. № 4. С. 108—121.
17. Мамонова, Н.Н. Демография Улангомского могильника (саяно-тувинская культура V—III вв. до н.э.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 123—135.
18. Мамонова, Н.Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979. Т. 3. С. 204—210.
19. Мамонова, Н.Н. Скифы Западной Монголии по данным палеоантропологии // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 1986. С. 83—85.
20. Новгородова, Э.А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 383 с.
21. Новгородова, Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука., 1984. 168 с.
22. Окладников, А.П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981. 228 с.
23. Окладников, А.П. Петроглифы Центральной Азии. Л.: Наука, 1980. 271 с.
24. Окладников, А.П. Петроглифы Чулутын-гола. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1981. 182 с.
25. Савинов, Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994. 208 с.
26. Худяков, Ю.С. Херексуры и оленные камни // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 1986. С. 40—43.
27. Худяков, Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136—162.
28. Цыбиктаров, А.Д. Бронзовый и ранний железный века Центральной Азии в отечественной и монгольской историографии 1920 — середины 1960-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. Вып. 4. С. 314—322.
29. Юсупова, Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925—1953 гг.). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006. 280 с.